

ББК 63.3(2)5

*С.В. Андрейчук***Система военной безопасности Западной Сибири во второй половине XVIII – начале XIX в.***S.V. Andreychuk***The System of Military Security in the Western Siberia in the 2nd Half of the XVIIIth – the Beginning of the XIXth Centuries**

На основе архивных и опубликованных материалов проанализирована система военной безопасности в Западной Сибири во второй половине XVIII – начале XIX в., определены ее элементы, разграничены полномочия военных, гражданских и горнозаводских властей.

Ключевые слова: Сибирь, государственное управление, Сибирский корпус, губернатор, горнозаводское ведомство.

Истории государственного управления в Сибири посвящено большое количество работ. Однако система военной безопасности этого пограничного региона остается неизученной. Отдельные упоминания о военных функциях различных органов управления в Сибири встречаются у многих авторов, но обобщающих публикаций, в которых бы рассматривались все элементы этой системы в их взаимосвязи, до сих пор не было. Данная статья призвана устранить этот пробел в изучении истории Сибири XVIII в.

Система военной безопасности Западной Сибири второй половины XVIII в. включала в себя весь комплекс институтов государственной власти, имевшийся в регионе, обладающих хотя бы минимальными полномочиями в сфере обеспечения военной безопасности. Все элементы региональной системы можно разделить на несколько групп:

- гражданские власти: губернатор, губернская канцелярия, губернское правление, воеводы;
- горнозаводские власти: начальник Колывано-Воскресенских заводов, Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства;
- военные власти: Сибирский корпус, позднее Сибирская дивизия и Сибирская инспекция. В эту же группу можно отнести и еще один из элементов системы военной безопасности – сибирские укрепленные линии.

Отдельно следует упомянуть органы центральной власти, которые также оказывали воздействие на функционирование системы: Сенат, императорский Кабинет, управлявший горнозаводским ведомством, Сибирский приказ (обладавший, впрочем, весьма ограниченными полномочиями в части реализации политики обеспечения региональной безопасно-

The article on the basis of archival and published materials analyzes a system of military security in the Western Siberia in the 2nd half of the XVIIIth – the beginning of the XIXth centuries, identifies its elements, delimits powers of military, civilian and mining offices.

Key words: Siberia, state power, Siberian corps, governor, mining department.

сти), Военная коллегия, Коллегия иностранных дел. Определенными полномочиями в определении внешней политики региона также обладал Оренбургский губернатор.

Административная структура Сибири имела ряд специфических черт. В связи с трудностями в сборе налогов и снижением доходов от торговли пушниной в 1730 г. правительство восстановило Сибирский приказ, однако урезало его полномочия. Сибирский приказ назначал воевод и давал им инструкции [1; 2, с. 72–76; 3, с. 9, 10, 12]. Это были довольно важные полномочия, так как в 1730–1740-е гг. в пограничных уездах воинский контингент, подчинявшийся непосредственно воеводе, мог превышать 100 чел. и включал наряду с нижними чинами унтер-, обер-офицеров и казаков [2, с. 89]. Согласно сенатскому указу от 2 августа 1740 г. Сибирским приказом выделялись деньги на медикаменты и жалование врачам Новоучрежденного драгунского полка и пехотного батальона, которые отправлялись в московскую медицинскую контору [4].

В 1745 г. в Западную Сибирь вступили полки Российской регулярной армии, организационно сведенные в Сибирский корпус. В 1748 г. все воинские команды, дислоцированные в регионе, были изъяты из ведения Сибирского приказа и переданы в Военную коллегию. Согласно указу Военной коллегии от 1754 г. командир Сибирского корпуса не имел права принимать указов от Сибирского приказа [5, л. 1–1об., 2]. В целом управление войсками было вне сферы влияния Сибирского приказа. Указом от 15 декабря 1763 г. Сибирский приказ был упразднен. Все сведения, касающиеся состояния нерегулярных войск корпуса (казаков), были переданы в учрежденную

при дворе императрицы воинскую комиссию [3, с. 21; 6].

Одновременно с упразднением Сибирского приказа Сенат был разделен на 6 департаментов. Все военные дела рассматривались в 4-м департаменте. Сибирские дела стали решаться в Москве, в 5-м департаменте, одним из членов которого был бывший сибирский губернатор Ф.И. Соймонов. К 1-му департаменту отошла секретная экспедиция Сената, в которой разбирались пограничные дела Сибири, дипломатические отношения с сопредельными странами и пр. [3, с. 12, 13; 6].

В инструкции Сибирскому губернатору 1741 г. были определены обязанности губернатора, относящиеся к военным делам: сибирскому губернатору были подчинены гарнизонные войска, он заботился о рекрутских наборах, довольствовании армейских частей, об охране государственной границы, содержании и постройке пограничных крепостей, состоянии гарнизонов. Пограничное положение губернии заставило составителей инструкции обратить особое внимание на учреждение караулов для отражения неприятеля, на содержание крепостей и военных припасов в сохранности [2, с. 85].

В связи с угрозой границам России в Сибири со стороны Джунгарского ханства в 1745 г. по предложению Военной коллегии Сенат передал командование всеми регулярными и нерегулярными войсками на юге Сибири в ведение командира Сибирского корпуса, подчинявшегося непосредственно коллегии. Однако следует отметить, что гарнизонные полки подчинялись губернатору на протяжении всего рассматриваемого периода, они находились в ведении особой губернской гарнизонной канцелярии, возглавляемой обер-комендантом Тобольска [2, с. 108; 3, с. 49; 7, л. 4; 8, л. 72об.]. При этом необходимо подчеркнуть, что часть гарнизонных войск находилась на укрепленных линиях (например, Новоучрежденный драгунский гарнизонный полк стоял на Кольвано-Кузнецкой линии). Это создавало дополнительные трудности в управлении, так как указом Военной коллегии от 27 октября 1752 г. командиру корпуса было приказано «в гарнизонные дела отнюдь не вступать», военные чины из гарнизонных полков в полевые самовольно не переводить [9, л. 338–338об.]. По всей видимости, ограничения, тем не менее, не касались военной части, и командир корпуса мог отдавать соответствующие приказы и этим командам. Кроме того, указания комендантам крепостей либо лицам, выполняющим их функции, отдавались из Сибирской губернской канцелярии, минуя командование Сибирского корпуса, даже если роль коменданта выполняли офицеры армейских полков, что также создавало неразбериху в подчиненности [10].

В наставлении губернаторам 1764 г. говорилось, что в случае каких-либо чрезвычайных происшествий

(бунтов или нападений) губернатор имел полномочия отдавать приказы военным командирам, если они не выше его чином. Если военный начальник по чину выше, то они командуют совместно, так же, как и доносят о ситуации в центральное правительство. Полиция в такой ситуации также переходит в ведение губернатора [11]. Среди важнейших обязанностей губернатора значилось снабжение полков и крепостей провиантом, фуражом, жалованием, другими припасами (например, военные команды могли рубить лес только с позволения губернатора и только в указанных им местах [12]).

К 1780 г. Сибирь была разделена на Тобольскую и Иркутскую губернии. Именным указом от 1 мая 1779 г. в целях повышения эффективности управления была учреждена Кольванская область, которой были переданы все жители окрестностей Кольвано-Воскресенских заводов, в том числе и состоявшие до того в горнозаводском ведомстве, которая вместе с Иркутским наместничеством входили в состав «пограничной» Иркутской губернии [13; 14, с. 103–107]. В 1783 г. Иркутским и Кольванским губернатором был назначен И. Якоби. Перед ним встала задача урегулировать вопросы подчинения некоторых территорий и войск Сибирского корпуса с Тобольским генерал-губернатором. Во взаимоотношениях с Тобольским губернатором Е.П. Кашкиным возникли разногласия. Е. Кашкин продолжал отдавать указания линейным командирам [15, л. 35, 66–67]. Такие серьезные противоречия отрицательно сказывались на деятельности Сибирского корпуса, зачастую ставя под прямую угрозу надлежащее выполнение сенатских и даже императорских указов.

Согласно Учреждению для правления губерний от 1775 г. учреждалась должность генерал-губернатора, который назначался монархом и являлся «главнокомандующим» в губернии. Оговаривалось, что в крепостях гарнизоны и армейские полки находятся в его команде «на основании Комендантского права». В его ведении по-прежнему оставалось снабжение полков провиантом и рекрутские наборы. В пограничных губерниях генерал-губернатору предписывалось «бдение и предосторожности от соседей». В случае опасности ему передавались функции военного управления – военный командир должен был подчиняться указаниям генерал-губернатора, пока не получит монарших указаний [16]. Губернатор имел право определять место расположения войск [17, л. 25 об.]. В соответствии с инструкцией сибирскому генерал-губернатору И. Селифонтову от 23 мая 1803 г. непосредственно военная часть оставалась вне ведения генерал-губернатора [18].

Большое значение Сенатом и Коллегией иностранных дел придавалось осуществлению губернатором внешнеполитических функций. Определенную роль в реализации внешней политики Сибирской

губернией играл оренбургский губернатор, который согласно инструкции от 1744 г. ведал «киргизским народом» и всеми пограничными делами [19]. Такое положение дел вызывало постоянное соперничество двух губернаторов. Так, в 1776–1777 гг. с просьбой о приеме в российское подданство обратился казахский старшина Ишберды Кутлугадамов. Началась обширная переписка между генерал-майором А.Д. Скалоном, командовавшим войсками на линиях, и сибирским губернатором Д.И. Чичериным. Главным вопросом была реакция хана Аблая [20, л. 7а–7а об.]. А.Д. Скалон с этим вопросом обратился также и к Оренбургскому губернатору И. Рейнсдорпу, что вызвало сильное недовольство Сибирской губернской канцелярии [20, л. 8, 10]. Завязалась довольно острая перепалка. А.Д. Скалон написал Д.И. Чичерину, что «...все киргискаго рода заграничные обстоятельства и дела поручены в полное распоряжение и власть оренбургскаго господина губернатора» [20, л. 41].

Полномочия оренбургского губернатора подкреплялись и финансовыми обязательствами. Согласно указу Коллегии иностранных дел оренбургскому губернатору от 18 июля 1760 г. средства для награждения казахов, приезжающих в Оренбург, Троицкую крепость или на сибирские линии, должны были выделяться из определенной в Оренбург на заграничные расходы суммы [20, л. 58–58об., 59]. Из средств Оренбургской губернии также финансировались башкирская и мещерецкая команды, которые командировались на сибирские линии на один год указами из Оренбургской губернской канцелярии [21, л. 17; 22, л. 192–192об.].

Таким образом, можно констатировать, что полномочия в сфере военного управления в регионе были разграничены недостаточно четко. Попытка частично решить эту проблему была предпринята в середине века. Как уже отмечалось выше, армейские полки фактически не подчинялись губернатору с 1745 г., когда был сформирован Сибирский корпус, который находился в ведении Военной коллегии. В 1761 г. Военная коллегия получила утверждение на доклад, согласно которому стоящие в Сибири полки были в команде своего губернатора, но по всем военным делам сносились прямо с Военной коллегией, т.е. военная деятельность была выведена из-под ведения гражданских властей [3, с. 52].

Сложно разграничить компетенции военных и гражданских властей в части управления иррегулярными войсками. Как было сказано выше, командировавшиеся на линии башкирские и мещерецкие команды финансировались из средств Оренбургской губернии, т.е. командир Сибирского корпуса не обладал всей полнотой власти над этими командами. Еще более запутанной была ситуация в управлении сибирскими казаками.

Как отмечает Ю.Г. Недбай, казачье войско на протяжении всего периода было разделено на три части: крепостные, городовые и городские, командированные на линии. Первые подчинялись военным властям, вторые – губернатору, третьи – то одним, то другим [23, с. 189]. Крепостные казаки *de facto* с 1740-х гг. подчинялись исключительно военным властям. Все городские казаки находились под управлением гражданских властей, но при командировании на линии они должны были подчиняться военному командованию.

Городские казаки являлись объектом постоянных споров военных и гражданских властей. Сибирское командование постоянно предпринимало попытки перевести городских казаков на линии окончательно. В 1744 г. Сенат определил, что казаков из внутренних городов Сибири невозможно выслать на линии, так как они положены в подушный оклад. В целях увеличения численности вооруженного населения на сибирские линии были присланы иррегулярные команды из Оренбургской губернии [24, л. 17об.]. В 1765 г. командир корпуса И.И. Шпрингер предложил Военной коллегии доукомплектовать крепостных казаков городскими, которые вели праздный образ жизни [25, л. 2–3], однако эта инициатива вызвала противодействие со стороны губернатора Д.И. Чичерина [8, л. 87–87об.].

Не просто обстояло дело с подчинением военным властям артиллерийских и инженерных чинов. На линиях в 1759 г. находилась Тобольская артиллерийская команда, которая подчинялась не только командованию Сибирского корпуса, но и Конторе артиллерии и фортификации Военной коллегии [26, л. 100]. Инженерные чины по всей России подчинялись генерал-фельдцейхмейстеру или Главной артиллерийской канцелярии [27], но 26 декабря 1796 г. именным указом она была упразднена. Вместо нее при Военной коллегии был учрежден специальный артиллерийский департамент [28, л. 163].

На протяжении второй половины XVIII в. главной задачей как губернских властей, так и военного начальства было обеспечение безопасности Колывано-Воскресенских заводов. В середине XVIII в. полномочия по управлению Алтаем получили сразу три властных института: Канцелярия Колывано-Воскресенского горного округа, губернатор и Сибирский корпус. В инструкции начальнику Колывано-Воскресенских заводов от 1747 г. ему предписывалось для охраны заводов требовать войска у командира Сибирского корпуса. Жалование этим военным чинам должно было выплачиваться из средств горнозаводского ведомства [29, с. 10]. Указом Сената от 7 ноября 1762 г. предписывалось отправить одну роту из Сибирского гарнизонного и четырех пехотных из Енисейского и Новоучрежденного драгунских полков в Колывано-Воскресенский завод [24, л. 125;

30, л. 102 об.; 31]. В соответствии с инструкцией Екатерины II командиру корпуса генерал-поручику И.И. Шпрингеру предписывалось постоянно содержать в заводах не менее одного батальона [32, л. 2–2об., 5об.]. Участие горнозаводского ведомства в обеспечении военной безопасности региона заключалось также в том, что оно должно было выделять деньги на строительство некоторых крепостей. Так, строительство Бухтарминской и Катунской крепостей должно было финансироваться из казны Колывано-Воскресенских заводов [32, л. 16об.].

Несмотря на наличие позитивного опыта взаимодействия горнозаводских начальников с военными и гражданскими властями в вопросах функционирования системы военной безопасности, конфликты между ними были нередки. Противостояние военных и горнозаводских властей было довольно острым. Причиной было использование солдат и драгун в горнозаводских работах. Следует отметить, что не только горнозаводские власти пытались использовать служилое население в своих целях, но наблюдались и аналогичные попытки военных властей в отношении населения, находившегося в ведении Кабинета. Согласно именному указу от 12 января 1761 г. было за-

прещено брать рекрут с поселенных в горнозаводском ведомстве. Однако в 1771 г. Сибирская губернская канцелярия попыталась взять рекрут с барнаульских купцов, против чего протестовали горнозаводские власти. Сенат их поддержал, но разрешил брать рекрут с тех, кто будет селиться около Колывано-Воскресенских заводов начиная с 1771 г. [33].

Таким образом, главной задачей системы военной безопасности в регионе было обеспечение безопасности Колывано-Воскресенских заводов. Она имела сложную структуру. Ключевым элементом системы военной безопасности Западной Сибири был Сибирский корпус, которому подчинялись все полки и военные команды, находившиеся на пограничных линиях. Военные функции губернатора ограничивались командованием гарнизонными войсками и городскими казаками, а также снабжением регулярной армии жалованием, провиантом, фуражом, иными припасами и рекрутами. Следует отметить также относительную устойчивость и эффективность системы военной безопасности Западной Сибири, обеспечившей удержание под контролем России обширного региона, в котором сталкивались интересы многих народов и государств.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Т. 8. – №5659.
2. Власть в Сибири: XVI – начало XX в. 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск, 2005.
3. Рафиенко Л.С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв.: Избранное. – Новосибирск, 2006.
4. ПСЗРИ. – Т. 11. – №8193.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 214. – Оп. 5. – Д. 2550.
6. ПСЗРИ. – Т. 16. – №11989.
7. Исторический архив Омской области (ИАОО). – Ф. 366. – Оп. 1. – Д. 59.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 23. – Оп. 1/121. – Д. 937.
9. ИАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 75.
10. ПСЗРИ. – Т. 17. – №12410.
11. ПСЗРИ. – Т. 16. – №12137.
12. ПСЗРИ. – Т. 18. – №13144.
13. ПСЗРИ. – Т. 20. – №14868.
14. Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. – Тюмень, 2000.
15. РГАДА. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 62.
16. ПСЗРИ. – Т. 20. – №14392.
17. РГАДА. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 280.
18. ПСЗРИ. – Т. 27. – №20771.
19. ПСЗРИ. – Т. 12. – №8901.
20. ИАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 203.
21. ИАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 137.
22. ИАОО. – Ф. 149. – Оп. 1. – Д. 6.
23. Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.): монография : в 2 т. – Омск, 2001. – Т. 1.
24. РГВИА. – Ф. 23. – Оп. 1/121. – Д. 583.
25. РГВИА. – Ф. 23. – Оп. 1/121. – Д. 317.
26. ИАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 75.
27. ПСЗРИ. – Т. 15. – №10941.
28. ИАОО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 10.
29. Соколовский М.К. Исторический очерк бывшего 12-го пехотного Сибирского резервного Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44-го Сибирского стрелкового полка. 1711–1911. – Барнаул, 1911.
30. РГВИА. – Ф. 23. – Оп. 1/121. – Д. 509.
31. ПСЗРИ. – Т. 15. – №11185.
32. РГАДА. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 40.
33. ПСЗРИ. – Т. 19. – №13605.